

МЕТОДОЛОГИЯ

И.Т. КАСАВИН

Пространство и время: в поисках "естественной онтологии" знания

Этапы и формы концептуализации пространственно-временных параметров

Фактом современной познавательной ситуации является то, что категории пространства и времени широко используются не только в естествознании, но и в гуманитарных науках, а также во внеучучных типах знания. Нередко они приобретают форму пространственно-временных параметров или координат, в принципе сводимых к данным фундаментальным категориям. Их концептуальное развертывание проходит при этом в трех разных, но взаимосвязанных вариантах. Так, пространственно-временные термины выступают в ряде ситуаций как метафоры, обязанные интеллектуальной моде и предназначенные для придания теоретикоподобной формы суждениям о предметах, не попадающим в контекст традиционной теоретической рефлексии. В этой связи можно говорить, к примеру, о "правовом пространстве", "пространстве рекламы", "экономическом ускорении" (М. Горбачев) или "времени рукопашного боя" (В. Гроссман). Политическая и экономическая мифология, религиозная и моральная пропаганда, художественная литература - таковы сферы, в которых циркулируют подобные новации. Аналогичным образом в недавнем прошлом философы иронизировали по поводу "теории любви" или "логики мифа"; термины "теория" и "логика" использовались большинством в пиквическом смысле, поскольку мало кто верил в их строгую применимость к таким экзотическим для теории познания объектам.

Однако метафорическая многозначность и неопределенность смысла уступают место нормальной концептуальной форме по мере того, как объект утрачивает необычные черты в результате теоретического осмысления. Последнее движется обычно по пути очерчивания смысловых границ термина по аналогии с тем, как он используется в других видах знания. И поскольку метафора стирается, ее содержание все в большей мере осознается как понятийное заимствование из тех областей, где термины обладают известными и устойчивыми характеристиками. При этом пространственно-временные признаки начинают соединяться с указаниями не столько на специфическую *область применения*, сколько на *способы исследования*, связанные с отдельными науками. Так возникают понятия "антропогенные ландшафты", "биопол", "социодинамика культуры", "виртуальное пространство", "нелинейное время". Они, как правило, обозначают методологические сдвиги на границе двух и более научных дисциплин, а применительно к социально-гуманитарному знанию - еще и понятийное заимствование из естественных и точных наук.

К а с а в и н Илья Теодорович - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

До тех пор пока данные понятия служат квазилогическими средствами систематизации и теоретической интерпретации *готового* эмпирического содержания, они сами по себе не выступают еще как объекты концептуальной разработки. Но как только в них усматривают средства *развития* знания, с помощью которых можно получить прирост эмпирического содержания, критерии теоретической приемлемости становятся более взыскательными: проблема теоретической нагруженности фактов трансформируется в проблему внутренней структурированности самой теории. И первыми шагами на пути ее решения оказываются систематизация пространственно-временной терминологии, создание списков синонимов альтернативных пар, установление внутренних смысловых зависимостей между основными и производными терминами, нахождение наглядных аналогов (моделей), эмпирических интерпретаций. Именно данный процесс представляет наибольший интерес с теоретико-познавательной точки зрения.

Можно попробовать выдвинуть общую гипотезу по поводу того, что роднит между собой все три формы обращения к пространственно-временным категориям. По-видимому, это *поиск новой онтологии для гуманитарных наук, гуманитарного знания вообще*. Эта онтология должна сочетать в себе свойства "естественности", "социальности" и "бытийности", т.е. отвечать специфической включенности человека в природу, в систему социальных взаимосвязей, а также соответствовать относительной автономности личности, выражаемой в наборе экзистенциальных проблем.

И наконец, можно предположить, что в историко-философском плане поиск такой онтологии питается идеями Дж. Беркли и И. Канта, первыми обратившими внимание на содержательную структурированность внутреннего мира как условие познания вообще. Для Беркли внутренний опыт стал критерием и условием реальности - так реализовал себя идущий от Р. Декарта нововременной культ разума. Возможность реальности определяется возможностью ее познания, и поэтому знание рассматривается как возможная (идеальная) реальность. Идеальность, т.е. возможность, проективность, зависимость от человеческой воли, стала отныне неотъемлемым свойством знания, приобретающего иной по сравнению с прежним онтологический статус. Его основой и содержанием стала субъективность.

Кант же поставил вопрос о субъективных возможностях уже не реальности, а опыта. Это было углублением теоретико-познавательного анализа в область субъективности и первой попыткой построения субъективной онтологии познавательного процесса. С этой точки зрения он рассматривал пространство и время в качестве предпосылок познавательного отношения к миру, коренящихся в структуре трансцендентального субъекта. Тем самым была заложена основа научного исследования пространства и времени не только в неживом, но и в живом, а также социокультурном мире.

Теория познания я гуманитарные науки: новое методологическое взаимоотношение

Теории пространства и времени в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических параметрах, таких как "верх" и "низ", "центр" и "окраина", "поверхность" и "глубина", "удаленность" и "близость", "старость" и "молодость", "опережение" и "отставание", которые нередко фиксируются уже на уровне обыденного сознания. Они разъясняют, в каких именно координатах и векторах описываются динамика и статика человеческого бытия. Примечательно, что необходимость такого рода "обыденной", "естественной" онтологии обнаруживается не только в контексте литературы, мифа, магии и религии, но и в современных социальных и гуманитарных науках. Примерами могут служить "экологическая теория восприятия" психолога Дж. Гибсона, "семантическое пространство" в психосемантике (В. Петренко), концепция "подсознательного чувства размерности" психосоциолога Эд. Холла, "социальная топология" социолога П. Бурдьё, "теория центральных мест" географа В. Кристаллера, экологическое и структурное простран-

ство и время социального антрополога Э. Эванс-Причарда, метод *"grin-group analysis"* его ученицы М. Дуглас, образы города и всадника литературоведа Х.Л. Борхеса, "этнические поля" и "антропогенные ландшафты" историка и географа Л. Гумилева. Как же это способствует пониманию нами человеческого мира?

Во-первых, уже эволюционные эпистемологи привлекли внимание к специфической макроразмерности человеческого мира - мецкокосмоса (в отличие от мега- и микромира). Человек и в самом деле живет в мире "средних размеров": относительно небольших пространств, скоростей, длин электромагнитных волн и т.п. Но далее наша точка зрения расходится с эволюционной эпистемологией. Дело в том, что человек живет вообще не в геометрическом пространстве, не в астрономическом времени, не в механическом движении, не в электромагнитных взаимодействиях. Это — *естественно-научная картина мира*, продукт определенных наук, но не естественная среда человеческого обитания. Последнюю описывают не специализированные языки, но только и исключительно естественный обыденный язык, связанный с повседневным опытом. В этом смысле Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер внесли гораздо больший вклад в описание такого мира, чем вся наука о природе. Это относится и к литературе точно так же, как к живописи и музыке, вклад которых в изучение зрения и слуха несравненно больше науки. Поэтому "прислушивание к языку", к звучанию пространственно-временных терминов обыденного языка становится значимым ресурсом "естественной онтологии". Во-вторых, налицо иная научная тенденция, выраженная социально-гуманитарными науками (культурологией, исторической географией, психологией, социологией). В них обнаруживаются попытки задать определенного рода онтологию, учитывающую бытийственные измерения человека. Так, в трудах авторов французской школы "Анналов" и работающего в сходной парадигме А. Гуревича не только обнаруживается историко-культурная и социальная нагруженность категорий пространства и времени, но и то, что эти категории возникали и долгое время существовали именно как категории культуры, а не естествознания. "Путешествие в средние века было прежде всего паломничеством к святым местам, стремлением удалиться от грешных мест в святые. Нравственное совершенствование принимало форму топографического перемещения", - приводит пример Гуревич [1, с. 86]. Или: "Понятия жизни и смерти, добра и зла, благостного и греховного, священного и мирского объединялись с понятиями верха и низа, с определенными сторонами света и частями мирового пространства, обладали топографическими координатами" [1, с. 89].

Уже упомянутая экологическая теория восприятия Дж. Гибсона представляет собой современный вариант необерклианства, поскольку ее автор практически воспроизводит известную критику понятий материи и пространства с позиций последовательного сенсуализма. "Геометрическое пространство - чистая абстракция, - пишет он, - пространство — это миф, приведение, вымысел геометров" [2, с. 28]. Для объяснения того, как человек способен воспринимать мир, надо отказаться, с одной стороны, от нечеловеческой картины мира, с другой - от активистского понимания восприятия как "обработки чувственных данных". Гибсон убежден в том, что восприятие представляет собой "извлечение инвариантов из стимульного потока" [2, с. 26]. Эти инварианты, видимо, образуются во взаимодействии человека с ограниченным сектором материального мира и описываются категориями "среда", "вещество" и "поверхность".

Эта онтология категорически порывает с традиционным атомизмом и ньютономизмом, будучи ближе aristotelеской и в некоторых аспектах (близкодействию) картезианской физике. "Поверхности и среда - экологические термины, - постулирует Гибсон, - их ближайшие геометрические эквиваленты - плоскости и пространство, но обратите внимание на различие между этими терминами. Плоскости бесцветны; поверхности окрашены. Плоскости - прозрачные призраки; поверхности обычно непрозрачны и телесны. Линия пересечения двух плоскостей имеет мало общего с местом соединения двух плоских поверхностей - выступом или уступом... Для изучения восприятия и поведения нужна своя, прикладная геометрия" [2, с. 66]. Вот неполный перечень понятий такой геометрии: "земь" (кромка между небом и землей, опорная по-

верхность), "укрытие" (яйцо или кокон), "открытое окружение" (пустыня или гладь океана), "изолированный объект" (все поверхности которого обращены наружу, а не вовнутрь), "прикрепленный объект" (характеризующийся топологически незамкнутой компоновкой поверхностей), "место" (понятие места в экологии аналогично понятию точки в геометрии), "изогнутая выпуклость", "изогнутая вогнутость", "встроенность" предметов друг в друга и т.п. "Путь" животного на "местности" предполагает преодоление "преград" (обрывов, ступеней, склонов, рубежей). Оседлое существование требует "убежища" (гнезда, пещеры, хижины и т.д.).

Подобная "неформальная геометрия поверхностей" предназначена, по мысли Гибсона, не только для экологии, но и для архитектуры, технической эстетики, биологии поведения и социальных наук [2, с. 82]. При ближайшем рассмотрении она весьма напоминает описание М. Фуко картины мира XVI века, характеризуемой "пригнанностью вещей". "Пригнанными" (в сознании человека XVI века, по Фуко) являются такие вещи, которые, сближаясь, оказываются в соседстве друг с другом. «Они соприкасаются краями, их грани соединяются друг с другом, и конец одной вещи означает начало другой. Благодаря этому происходит передача движения, воздействий, страстей да и свойств от вещи к вещи... Пригнанность (*convenientia*) - это сходство, связанное с пространственным отношением "ближнего к ближнему", выражающее соединение и слаженность вещей. Именно поэтому она в меньшей степени принадлежит самим вещам, чем миру, в котором они находятся. Мир - это всеобщая "пригнанность" вещей» [3, с. 62, 63].

Еще один пример - из когнитивной психологии, в рамках которой вводится понятие "когнитивные карты", связываемое обычно с именами И. Толмена [4] и К. Линча [5]. Когнитивные карты последнее время привлекают внимание психологов, географов, градостроителей к проблемам пространственной ориентации. Причина данного интереса в том, что «...пространственные схемы осуществляют жесткий контроль за нашим воображением. В значительной мере они и есть наше воображение. С пространственной организацией связано удивительное множество метафор, относящихся к человеческому уму: человек может "занимать положение" для того, чтобы знать нечто, иметь "обширные" или "узкие" знания, посмотреть на вопрос "с другой стороны", изучать "области" и "сферы" знания. Человек, не имеющий адекватной ориентировочной схемы, чувствует себя "потерянным" - стрессовая ситуация, с которой связан свой набор метафор» [6, с. 125, 126].

Линч описывает город в терминах "путей" (линий перемещения), "узлов" (пересечения путей), "вех" (путевых ориентиров), "районов" (мест, объединенных вокруг какой-то достопримечательности) и "граней" (границ пространственных объектов). "Когнитивные карты" - это ориентировочные схемы как активные, направленные на поиск информации структуры. Они прямо связаны с перемещением познающего субъекта. Акт локомоции требует увеличения информации и одновременно создает условия для ее роста. Это легко показать применительно к зрительному восприятию, объем которого напрямую зависит, во-первых, от движения глаз, обеспечивающего стереоскопическое зрение, и, во-вторых, от движения наблюдателя (или самого объекта), которое порождает постоянные изменения в доступном глазу зрительном потоке. При этом движение наблюдателя обеспечивает уникальную информацию, несводимую к информации о движениях окружающих объектов относительно наблюдателя: сетчаточные изображения видимых впереди поверхностей увеличиваются в размерах, а все проецируемые точки смещаются к периферии, за исключением той, к которой движется субъект, - она остается неизменной. Движение, таким образом, задает человеку представление о цели уже на уровне произвольного восприятия. Именно движение создает условия для сбора полной информации: предметы поворачиваются своими "невидимыми" сторонами, осуществляется уточнение оценки расстояния, характера преодолеваемой среды.

В. Вернадский [7] указывал на северных варягов и полинезийцев как на племена, впервые создавшие системы ориентации при плавании в открытом океане. Посмотрим,

как иллюстрирует значение когнитивных карт У. Найссер на примере системы навигации племени с острова Палават в Тихом океане. Путешествие в открытом океане требует ориентира, в качестве которого выступает так называемый остров отсчета. "Положение и расстояние определяются так, как если бы лодка стояла неподвижно под усыпанным звездами небом все то время, пока остров отсчета (таковой имеется для каждого плавания от острова к острову) медленно скользит назад [6, с. 136]. Эта навигационная модель построена на основе весьма абстрактных принципов. «Острова отсчета никогда нет в поле зрения, точно так же очень редко бывают видны и звезды, под которыми он "передвигается". Большая часть релевантной информации на самом деле оказывается результатом расчетов "вслепую", наблюдений за волнами, морскими приметам и птицами; но каждый из этих признаков мореплаватель обязательно соотносит с воображаемым движением отдаленного острова под никак не обозначенными точками подъема невидимых звезд». Представляется, что в такой когнитивной карте можно усмотреть прототип геоцентрической модели мира.

Когнитивная карта, формируясь в связи с процессом локомоции, может быть в дальнейшем использована и за его пределами. В частности, она выступает эффективным мнемоническим средством. Примером может служить метод локусов, изобретенный древними греками. Для начала человек знакомится с последовательностью примечательных мест (локусов), расположенных вдоль некоторого маршрута. Это можно уподобить ознакомительной прогулке по храму, в каждой нише которого стоит своеобразная скульптура или сосуд. Затем, чтобы запомнить случайный список предметов, их надо последовательно вообразить расположенными в данных локусах. Тогда чтобы вспомнить список, "потребуется лишь мысленно повторить путь; каждый предмет из списка будет спокойно дожидаться на том месте, где вы его поместили" [6, с. 151]. Это "мысленное повторение пути" - ключ ко всей человеческой культуре, возникающей как текст - рассказ о путешествии.

Если же обратиться к проблематике географии расселения, то окажется, что она изучает не только абсолютное местоположение членов популяции на земной поверхности, но также их вторичное или относительное местоположение. К примеру, этолог К. Лоренц в своей книге "Об агрессии" и психосоциолог Холл в книге "Подсознательное чувство размерности" говорят о наличии у приматов и человека, обладающих сильным чувством территориальности, своеобразного "пространственного ватерпаса", показывающего уровень перенаселенности и определяющего тем самым необходимость миграции. Так, Холл выделяет четыре "зоны действия" в зависимости от "межперсональной дистанции": "интимное", "личное", "общественное" и "гражданское" пространства. Ясно, что размеры этих зон зависят не только от физического пространства, но и от индивидуальных особенностей и культурных традиций [8, с. 25].

Другой пример из географии - модель центральных мест немецкого ученого Кристаллера, изложенная в его работе "Центральные места Южной Германии" [9]. Суть ее в том, что образующиеся города становятся центрами обеспечения товарами и услугами и тем самым структурируют местность, создавая вокруг себя своеобразное поле притяжения. Центральные места первоначально имеют форму круга, а между кругами располагаются дополняющие районы. По мере же численного роста и частичного пространственного наложения центральных мест их границы принимают вид более или менее правильного шестиугольника, а карта местности в целом начинает напоминать пчелиные соты. Американский географ А. Филбрик, расширяя модель Кристаллера, выделял две фундаментальные структуры размещения человеческих поселений. Одна из них - узловая - определяется горизонтальными отношениями между центральными местами в системе жизнедеятельности человека (в терминологии Эванс-Причарда - структурность как таковая). Вторая структура обусловлена вертикальными связями между расселением и природными ресурсами (экологичность, по Эванс-Причарду). Объединение обеих структур в одной модели позволяет дать многоуровневое описание перехода от однородных к узловым районам и обратно. Так, сельскохозяйственная ферма, являясь узловым районом уровня А, объединяется с другими

фермами в однородный сельскохозяйственный район *Б*, при этом торговые центры, обслуживающие сельскохозяйственные районы, оказываются узловыми районами уровня *В* и т.д. Обратим внимание на обстоятельство, не замеченное самим Филбриком: отличие узловых зон от однородных и переход от одних к другим является функцией исключительно структурно-горизонтального размещения, т.е. чисто социальным фактором. Получаемая в результате "местность" и "перемещение" задают социальную, а не природную "географию".

Понятия "антропогенные ландшафты" и "этнические поля", используемые Гумилевым в работе "Этногенез и биосфера Земли", также могут быть рассмотрены как описания специфических "поверхностей", по которым пролегают пути - "аттракторы". На таком пространстве и прослеживаются культурная эволюция человека и сопутствующая ему драма человеческой креативности [10].

Отдельная тема - пространственно-временная онтология языка, контуры которой задают идеи Витгенштейна и Хайдеггера ("Вообразить себе язык - значит вообразить себе форму жизни"; "Язык - дом бытия" и т.д.). Характеризуя эпистему Нового времени, Фуко пишет, что "слова имеют свое место не во времени, а в пространстве, в котором они могут обрести свою исходную позицию, перемещаться, обращаться на самих себя и медленно разворачивать кривую своего движения: в антропологическом пространстве" [3, с. 177], подобном четырехугольнику, образованному четырьмя теориями - предложения, расчленения, обозначения и деривации. Он рассматривает затем эту онтологию на примере биологии, политической экономики и теории идей (идеологии). "Естественная история обретает свое место в <...> открытом пространстве между вещами и словами - пространстве безмолвном... Естественная история <...> это пространство, открытое в представлении анализом, предвосхищающем возможность именованья; это возможность видеть то, что можно будет сказать" [3, с. 191]. Идеология, далее, "помещает все знание в пространство представлений и, охватывая все это пространство, формулирует знание организующих его законов; в этом смысле она является знанием о всяком знании" [3, с. 319]. На рубеже XIX века происходит фундаментальное изменение онтологии языка: "...вещи в сокровенной своей истине ускользают из пространства таблицы... Пространство порядка, которое служило общим местом для представлений и для вещей <...> оказывается теперь разорванным" [3, с. 318].

В поисках не внешнего, но внутреннего пространства как измерения немеханического, человечески-социального бытия рефлексия ставит вопрос о времени. "Начиная с Адама Смита, время в экономике уже не будет циклическим временем, в котором чередуются обнищание и обогащение, оно не будет также и линейным временем тонких политических операций, которые, увеличивая понемногу количество обращающихся денег, тем самым заставляют производство расти быстрее, чем цены: это будет внутреннее время организации, которая растет в соответствии со своей собственной необходимостью и развивается по своим собственным законам, - время капитала и режма производства", - таково довольно примечательное наблюдение Фуко [3, с. 301].

В искусствоведении (в теории живописи в частности) понятие пространства выполняет центральную функцию. Б. Раушенбах показывает, как понятие перспективы производно от нашего восприятия дороги [11, с. 67, 100], но останавливается перед объяснением специфики египетской живописи, в которой отсутствует перспектива. Дело в том, что живописи эпохи Возрождения как раз потому было присуще использование перспективного видения, что это была эпоха географических открытий и завоевательных походов. В соответствии с этим живопись, как и естественный язык, приобрела эмпирический характер и стала отображением живого восприятия, а не понятия о вещах. Египетская же живопись не то чтобы *не знает*, она, скорее, просто *отрицает* перспективу именно потому, что имеет своим предметом неподвижное и вечное бытие (ср. эфеаты), основные черты которого уже известны. Она смотрит на предметы сразу со всех сторон и изображает их не так, как они предстают зрению с

некоторой ограниченной позиции, но как если бы все их поверхности были актуально открыты восприятию некоторого высшего существа. Поэтому пейзаж оказывается геометрическим чертежом или схемой, человек же изображается путем арифметического "перечисления" основных членов тела и элементов одежды. Сходным образом «африканские школьники, которых просили нарисовать корову в профиль, изобразили все четыре копыта, два рога и два уха, как бы сочетая вид сбоку с видом спереди, тогда как европейские школьники рисовали профиль коровы <...> европейский ребенок рисует буквально то, что видит, хотя он знает, что "на самом деле" это неверно, в то время как африканский ребенок рисует то, о чем он знает, корова не корова, если у нее нет четырех копыт» [12, с. 91, 92].

Здесь возвышенно-сакральное видение мира обнаруживает сходство с повседневным примитивным восприятием, что открывает простор для гипотез о едином для обоих магически-мифическом "жестком ядре" - фундаментальной онтологической структуре. Теоретико-познавательный вывод из данных примеров состоит, помимо всего прочего, в следующем. Гуманитарные науки стихийно, но неизменно движутся по пути анализа *человеческой онтологии знания*, формирующейся также стихийно, но столь же необходимо характеризующей социокультурные и космологические характеристики процесса познания в терминах пространства и времени. От этого - один шаг до понимания пространства и времени как теоретико-познавательных категорий.

Пространство и время как теоретико-познавательные категории

При рассмотрении объекта познания как аспекта независимой от человека реальности с реалистической эпистемологической позиции процесс исследования уподобляется реальному путешествию. Отсюда все метафоры, касающиеся "широты" и "узости" знаний, их "глубины" или "поверхностности", "плоского эмпиризма" и "поспешного обобщения", "устаревания" и "перспективности" теорий, "открытия" законов природы, "опережения" практики теорией и т.п. При этом каждый значимый поворот в эпистемологии был связан как раз с попыткой разработать данные метафоры, доводить их до концептуальной формы, что, по существу, означало изучение внутренней структуры и динамики познавательного процесса. Беглый взгляд на влиятельные постпозитивистские эпистемологии уже обнаруживает справедливость данного тезиса, будь то применительно к "теории трех миров" К. Поппера, методологии "исследовательских программ" И. Лакатоса или к концепциям Т. Куна и П. Фейерабенда. И именно поиск механизмов развития знания приводит эпистемологию к избегаемой и даже табуированной тематике "контекста открытия", к вопросам о природе творческого процесса и тем самым в конечном счете - к необходимости "субъективной онтологии" знания, к анализу структуры творческого субъекта, т.е. к "индивидуальной культурной лаборатории".

Так, способом введения пространственно-временных категорий в "контекст открытия" являются понятия "письменный стол" и "библиотека". Они выступают образами индивидуального пространства и времени, в которых разворачивается творческий опыт. Зададимся вопросом: какие символы и метафоры можно использовать для схематического изображения творческого процесса? Какие реалии они призваны отобразить? Внутренний мир творческого субъекта характеризуется, очевидно, специфическим пространством-временем, выражающим коллективно-социальные и индивидуально-космологические измерения его бытия. Это, во-первых, присущие ему структуры духовного родства и, во-вторых, динамика взаимоотношений с реальностью. Они образуют социальные и индивидуальные ресурсы творчества и могут описываться в терминах "историческая география библиотеки" и "геометрия письменного стола".

Однако сначала несколько замечаний о природе творчества и его понимании вообще. Истокование творчества являет собой, по существу, обратный процесс воссоздания обстановки индивидуальной культурной лаборатории (ИКЛ) из письменного

текста, в ходе которого исходный текст претерпевает множество интерпретаций. Из них произвол исследователя и суд истории отбирают то одни, то другие, так что со временем интерпретации окружают текст непроницаемым облаком. Впрочем, точнее было бы сказать, что текст окружен облаком такого рода, еще не будучи написанным, ибо сам создается в значительной степени из интерпретаций: даже самые интимные переживания окрашены их сколь угодно индивидуальными истолкованиями. Само понятие творчества уже потонуло в герменевтической пучине, и позиция, излагаемая автором этой работы, может быть уподоблена углой лодке, безнадежно пробирающейся меж океанских валов, в то время как вода сочится из всех ее щелей.

Впрочем, освобождение понятия творчества от интерпретаций не входит в мою задачу отчасти по причине бесперспективности, отчасти из-за ее скучности. Значительно меньше претензий в том, чтобы предложить еще одну интерпретацию, которая представляется в данный момент наиболее убедительной: таким образом реализует себя индивидуальный вкус, а историческая критика обретает дополнительный материал для всякого рода "деконструкций". Итак, мы рассматриваем творчество как *сворачивание* культурно-исторических и индивидуальных содержаний с помощью определенных методологических ресурсов, с одной стороны, и, с другой стороны, творчество предстает как *разворачивание* текста с помощью других методологических средств для выхода в сферу определенных культурно-исторических и индивидуальных содержаний. Или, говоря короче, творчество - это редукция жизни к тексту, в то время как истолкование творчества - это дедукция жизни из текста. Очевидно, что истолкование творчества почти необходимо выходит в сферу весьма отличных (по сравнению с объектом) содержаний, ибо само является творчеством, сочинительством, изобретательством - и нет у этой цепи конца.

В дальнейшем мы ограничим наше рассмотрение так называемой структурой индивидуальной лаборатории. Мы конструируем ее содержание из базисных метафор, базисного конфликта и образов "письменного стола" и "библиотеки" как параметров индивидуального пространства-времени.

Базисные метафоры составляют основания содержательной картины мира, создаваемой автором. Они являются не столько результатами индивидуального творческого поиска, сколько его "историческими априори", концептуальными формами экзистенциалов, почерпнутых в некоторой традиции и культивируемых в ходе индивидуальной биографии. В их число входят основные ценности (критерии оценки и самооценки) и основные ситуации (предметное поле).

Базисный конфликт - это часть картины мира, которая возникает из ее соприкосновения с другими картинами мира или условиями их существования (в рамках одной из них он и получает характерную негативную оценку). Это своего рода "жена Сократа" - постоянная угроза исходной традиции, побуждающая к творческому акту. Миграция (переход из одной картины мира в другую) и табу (блокирование чужеродных картин мира) выражаются в базисном конфликте. Он фиксирует в себе основные грехи как нормы оценки и самооценки, а также проблемы, связанные с усвоением творческого результата в культуре, переводом с языка одной онтологии на язык другой и т.п. Творческий результат как таковой может возникнуть только как эпифеномен базисного конфликта и в силу этого несет на себе следы столкновения разных онтологий.

Понятия "письменный стол" и "библиотека" задают (выражают собой) структуру творческой субъективности и прежде всего идею личности и тип языкового поведения. Легко представить себе, что в процессе креативной работы бесконечно богатая топология культурных ресурсов уплощается индивидом до стереометрии рабочего стола - некоторого пространства, на котором он может манипулировать предметами. Ящики и обстановка стола вмещают в себя содержательные черновики, конспекты, дневники и прочие тексты, являющиеся комбинациями заимствованных из библиотеки культурных результатов. Одновременно обстановка стола представляет собой и скрытую систему памятных знаков, бессознательно поддерживающих актуальные цепи памяти и

воображения, своеобразные "астральные часы" - набор предметов, сочетание которых в соответствии с законами "астрологии творчества" запускает те или иные когнитивные механизмы (систематизацию, отбор, анализ, синтез, проговаривание, чтение, обоснование и т.п.). В процессе обработки текстом объемная структура письменного стола трансформируется в планиметрию текстового листа, служащего своеобразным экраном для демонстрации, комбинирования и трансформации интерновисмыслов.

Таким образом, стол выступает образом индивидуального пространства, поскольку на нем происходит формирование текста путем использования всех *наличных* ресурсов при одновременном рядоположении в двух (на столе) и последовательного расположения в трех (в ящиках стола) измерениях. *Глубине залегания* ресурсов соответствуют плоскости и емкости стола. На плоскости располагаются непосредственно используемые ресурсы, в верхних ящиках - ресурсы первой очереди, в нижних - архивы. На письменном столе может быть скомбинировано любое изображение, ибо его размерность подобна географической карте Англии из рассказа Борхеса, которая вмещает в себя любую деталь и в том числе саму себя. Поскольку на столе свободно соединяются разные библиотечные ресурсы, стол - форма превращения времени в пространство.

Однако мы немедленно сталкиваемся с противоположной функцией стола. Так, первичный текст, созданный на письменном столе, как правило, остается в одном из его ящиков до самой смерти автора. Вместе с тем он может послужить основой для написания множества вторичных текстов, содержащих скрытые ссылки на первичный текст (образ сверхзадачи; авторская самокритика; ряд оговорок, в том числе введение изначальных ограничений темы, предмета, методологии и т.п.). Авторские вторичные тексты имеют все шансы попасть в библиотеку, как только по отношению к ним можно будет осуществить процедуру каталогизации, уложить их в некоторую общепонятную классификацию. И в этом смысле письменный стол расстается с присущим ему образом внутренней свободы и творческого одиночества. Как способ работы с культурными ресурсами, иначе говоря, стиль, стол трансформирует собственное пространство во время и обогащает библиотеку еще одним произведением.

Библиотека же является образом индивидуального времени, поскольку дает вектор упорядочивания культурных ресурсов (предшественники, современники, ученики) и тем самым определяет способы заимствования и положение текста в истории. Она подобна таким часам или календарю, которым можно дать обратный ход с любой скоростью; время в библиотеке никогда не направлено из настоящего в будущее. Человек попадает в библиотеку, устав от одиночества и истощив творческие ресурсы. Поход в библиотеку чреват, однако, частичной утратой свободы. Здесь нужно вести себя в соответствии с принятыми правилами: движение разрешено лишь по проходам между стеллажами, книги нужно возвращать на ту же полку, откуда они взяты, - целостность и порядок культуры священны. Более того, нельзя искать "Тимей" Платона на той же полке, где стоят работы В. Гейзенберга, а Аристарха Самосского отделяют от Н. Коперника полки с позднеантичной и средневековой арабской астрономией. Здесь правит каталог, созданный по общепринятым канонам: историческим эпохам, странам, предметным областям - продуктам оседлого сознания. Смысл той или иной книги определяется во многом не ее содержанием, но ведущими к ней путями. В библиотеке царствуют топоцентристское сознание и коллекторские программы (М. Розов).

Так, редко читаемые книги можно найти только по предметному каталогу и с помощью долгого блуждания по стеллажам. Пути к другим указывают известные имена авторов, которые также фигурируют в соавторах других книг, цитаты, ссылки, рецензии, обзоры - множество тропинок-интерпретаций, создающих вокруг книги целую культурную систему. Будучи извлечена из этой системы, книга утрачивает если не все, то весьма значимую часть своего содержания, и читатель, едва успев взять книгу, должен немедленно поставить ее на место или брать с собой целую гору сопутствующих ей изданий. Во всяком случае посетителю библиотеки следует иметь в

виду, что, ложась на стол, библиотечная книга всегда изменяет свое содержание. Если вас увлекли рассказы об интересной книге, то не стоит огорчаться, что она не оправдала ваших надежд. В этом смысле результаты похода в библиотеку непредсказуемы до тех пор, пока книгу не вернули на место; если при этом окружающая ее система испытала значимое изменение, то ваше путешествие было не напрасно.

Что помним мы о судьбе золотого руна - столь желанной цели похода аргонавтов? Оно оказалось лишь поводом, но не результатом путешествия. Куда как более значимы для последующей мифической истории другие, казалось бы, периферийные результаты. Среди них первая постройка пятидесятивесельного корабля "Арго" (на таких кораблях поплывут греки на завоевание Трои) или создание мудрым кентавром Хироном первой карты звездного неба для ориентации в море (по звездам направляет свой путь домой скиталец Одиссей). Или вспомним судьбу одного яблочка, пропавшего из сада Гесперид из-за каприза никчемного Эврисфея. Какие раздоры, какие страсти, сколько крови и слез, изобретений и подвигов спровоцировало оно среди богов и людей! Участь драгоценно-магических предметов, позаимствованных в героическом путешествии, выпадает и на долю некоторых книг, названия которых обозначают целую культуру. Таковы "Илиада", "Тора", "Махабхарата", "Книга перемен". Их можно смело брать из библиотеки - никакого письменного стола не хватит, чтобы они утратили смысл. Скорее, напротив, посетитель рискует превратить свой стол в зоопарк *пространственно-временных кентавров*. Такими животными, объединяющими в себе время с пространством, оказываются "настольные книги", ведь именно в них подобные трофеи имеют склонность превращаться с высокой степенью вероятности.

Письменный стол и библиотека внутренне объединены и переходят друг в друга: расположение ящиков отражает темпоральную оценку, на столе располагаются "настольные книги", а библиотека формируется в соответствии с последовательностью (пространственностью) творческих задач (близкодоступные и удаленные полки). Приверженность автора библиотеке создает вторичные тексты, социализированных работников умственного труда и признанных гениев, а приверженность письменному столу - первичные тексты, шарлатанов-псевдоученых и гениев-маргиналов. Идеалы библиотеки - уважение к разомкнутому в прошлое времени, стремление к упорядочиванию пространства, доминирование текста над личностью, чтения над письмом. Идеалы письменного стола - ориентация на открытое будущее, погруженность в хаос незамкнутого пространства, доминирование личности над текстом, письма над чтением. Подлинное творчество есть постоянная и неуловимая миграция между письменным столом и библиотекой и обратно, между пространством и временем, трансформация одного в другое, выражение одного с помощью другого. Творчество как динамический фактор познания, как идеальное путешествие и приключение разворачивается и описывается лишь с помощью соответствующих пространственно-временных координат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
3. Фуко М. Слова и вещи. М., 1997. С. 62, 63.
4. Tolman E. Cognitive Maps in Rats and Men // Psychological Review. 1948. 55.
5. Lynch С. The Image of the City. 1960.
6. Нейссер У. Познание и реальность. М., 1981.
7. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
8. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., 1979.
9. Kristaller W. Zentrale Orte Sudddeutschlands. Iena, 1933.
10. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
11. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М., 1980.
12. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.